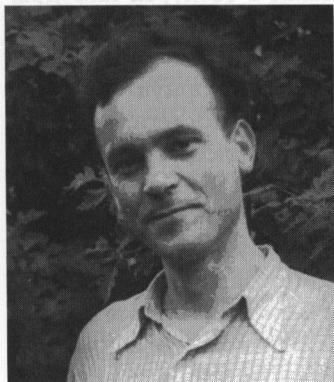

Ю. Ф. Богданов

Очерки о биологах
второй половины
XX века

Товарищество научных изданий КМК
Москва ❖ 2012

Физиолог А.В. Трубецкой — сержант с невообразимой судьбой и доктор биологических наук

ТРУБЕЦКОЙ Андрей Владимирович (1920–2002), профессор, доктор биологических наук, руководитель лаборатории Кардиологического научного центра АМН СССР-РАМН; автор автобиографической книги «Пути неисповедимы» и исследователь рода князей Трубецких.

Андрей Владимирович Трубецкой был восстановлен в числе студентов Биолого-почвенного факультета Московского государственного университета 1 сентября 1955 г. Он был реабилитирован и вернулся в Москву из Джезказганского лагеря МВД весной 1955 г., и мы оказались с ним в одной студенческой группе на кафедре сравнительной физиологии животных МГУ.

Андрей был высоким, стройным, красивым человеком с хорошей осанкой. Он прекрасно и ровно держался с товарищами по группе, но было видно, что мы, 21–22-летняя молодёжь, благополучно учившаяся в благополучной Москве, не представляем для него интереса. Андрею Трубецкому было тогда 35 лет, он был женат ещё до ареста, а арестовали его летом 1949 г., после окончания им 3-го курса Биофака МГУ. В 1956 году у него уже родился первый ребёнок, и для него жизнь выглядела не так, как для нас, его новых, гораздо более молодых сокурсников. Но подчёркиваю, 35-летний Андрей Трубецкой был образцом прекрасно воспитанного человека, и не удивительно: он был прямым продолжателем княжеского рода Трубецких.

Прежде, чем рассказывать о биографии А.В. Трубецкого, я опишу сцену его появления на биофаке после реабилитации. Эту краткую историю поведала мне в 2001 г. Галина Антоновна Малюкина.

В тот год она уже давно была пенсионеркой, а в годы моей учёбы на кафедре физиологии (называю кафедру кратко) она была старшим научным сотрудником этой (нашей) кафедры, и комната студентов-дипломников, в которой я проводил свои опыты, была как раз напротив её рабочей комнаты. Мы были с ней в прекрасных отношениях.

В 1946 г. Галина Малюкина и Андрей Трубецкой одновременно поступили на Биофак, она — после окончания школы, а он, 26-летний молодой человек — после фронта и демобилизации из армии. В 1948/49 учебном году они стали студентами 3-го курса кафедры физиологии и год проучились в одной группе. А на занятия 4-го курса Андрей не явился. Стало известным, что в августе 1949 г. он был арестован. Но вот жарким летом 1955 г. в лабораторную комнату Г.А. Малюкиной на кафедре заглянула её младшая коллега, очаровательная Майя Посконова, и сказала: «Галя, в вестибюле тебя ожидает молодой человек, он просит тебя спуститься к нему». В новом здании Биофака на Воробьёвых горах была заведена строгая пропускная система. Галя спустилась в вестибюль и увидела худого, стройного и сильно загорелого Андрея Трубецкого в белой рубашке... через 6 лет после последней встречи! «Я с криком: Андрей-ей! бросилась к нему и повисла у него на шее! — рассказывала Галина Антоновна — а кривая и злая вахтерша в фуражке с зелёным околышем и маленьким металлическим значком из перекрещенных винтовок на этой фуражке, с подозрительностью спросила меня — Вы что, родственники, что-ли? — Нет, мы не родственники, — закричала я. — Но он пришел ко мне, он наш, с нашей кафедры! — И потащила его за собой», — рассказала мне Галина Антоновна.

С биографией Андрея Владимировича Трубецкого я познакомился по его собственной книге: «Пути неисповедимы»¹. Я прочёл её в январе 2001 г. Помню, как читал её. Книга написана очень насыщенно, её бессмысленно читать «по диагонали». Каждая фраза передает тонкости ощущений, настроений, вызывает мысли и сравнения. Это происходит не из-за того, что автор её обладал особым даром эмоционального рассказа, а даже вопреки тому. Он писал скорее слишком обстоятельно. Приходилось следить за всеми словами, написанными в тексте, чтобы не упустить важной детали, важного смыслового оттенка. Можно было, конечно, игнорировать многочисленные подробности, имена и т.п., но все они были листочками необыкновенной истории, живой и невероятной истории с человеческим лицом, истории, подобную которой редко кому удастся прожить, а тем более донести в письменном виде! Я уставал от внимательного чтения текста этой

¹ А.В. Трубецкой. Пути неисповедимы. М. Контур. 1997. 397 с.

книги и не мог заснуть в ту ночь, когда я читал её перед сном. Описанные в книге события, их повороты, разговоры, в которых исход решался одним удачным или неудачным словом, жестом, взглядом, а в результате разговора — герой мог пойти под пулю (на фронте) или в холодный штрафной барак (в лагере заключённых) — всё это создавало напряжённость описания и заставляло не терять ни слова из текста, чтобы понять, что, почему и как происходило... Я решил читать эту книгу только накануне выходных дней или по субботам и воскресеньям, с утра, чтобы к вечеру перебороть свежее впечатление от книги чем-нибудь другим и успокоиться.

Кратко изложу жизненный путь А.В. Трубецкого от наступления его совершеннолетия до повторного прихода на Биофак. А затем назову вехи его научной биографии. Советую прочесть его книгу. Советую прочесть о А.В. Трубецком очерк его однокурсника в 1946—1949 гг. профессора С.Э. Шноля в его известной книге о людях российской науки². Я излагаю биографию А.В. Трубецкого по памяти, но проверяю её по его книге, которая есть в Интернете.

Когда этот очерк был написан во всех деталях, кроме этого абзаца, я дал прочесть его моему другу, продолжателю династии московской университетской интеллигенции, опытному редактору гуманитарной литературы, и этот очерк был раскритикован «в пух и прах». «Зачем Вы пишете о том, свидетелем чего не были, зачем пересказываете содержание той книги, которую читатели сами могут прочесть? Надо писать о собственных впечатлениях от общения с персонажем Вашего рассказа». Таков был смысл критических замечаний. «Не обращайтесь на эту критику внимания», — была реакция другого знакомого, опытного автора биографий учёных. «Пишите то, о чём Вам хочется поведать людям, не сдерживайте своего душевного порыва... писатель получает наивысшее удовольствие от своего труда именно в то время, когда он пишет...», — примерно так рекомендовал третий советник, мой любимый писатель Константин Георгиевич Паустовский. А, впрочем, вот его точные слова. Они интересны сами по себе и не помешают моему изложению: «...я убедился в том, что главное для писателя — это с наибольшей полнотой и щедростью выразить себя в любой вещи, даже в <...> маленьком рассказе, и тем самым выразить своё время, свой народ. В этом выражении ничто не должно сдерживать писателя — ни ложный стыд перед читателями, ни страх повторить то, что уже было сказано (но по-иному) другими писателями, ни оглядка на критиков и редакторов. Во вре-

² С.Э. Шноль. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. Третье издание М. Книжный дом «Либроком». 2010. 720 с. (серия «Наука в СССР: через тернии к звёздам»)

мя работы надо забыть обо всём и писать как бы для себя или для самого дорогого человека на свете»³.

Я не писатель, но мне для того, чтобы донести до моего читателя характер моего героя, нужно изложить всё главное, что он сам сообщает о себе. А в книге «Пути неисповедимы» мой герой, Андрей Владимирович Трубецкой, рассказал главное о себе. Для того, чтобы создать его словесный портрет, портрет человека, которого я знал в его зрелом возрасте, но знал недостаточно, необходимо знать о его молодости. Мне хочется создать словесный портрет человека, который прошёл через безумные трудности и опасности для того, чтобы в 26-летнем возрасте сесть на университетскую скамью, а затем ещё раз в 35-летнем возрасте снова вернуться к студенческой учёбе. Но портрет был бы неполным без описания главных событий первых 35 лет его жизни. А для этого необходимо использовать его автобиографический рассказ, без этого молодость Андрея Владимировича Трубецкого невозможно представить, и невозможно было бы понять его в те зрелые годы, когда его тревожная и суровая молодость оказалась позади.

Семья, армия, фронт

Андрей Владимирович Трубецкой родился в 1920 г. Его отец, князь Владимир Сергеевич Трубецкой, был офицером царской армии, воевал на фронте Первой мировой войны. После Октябрьской революции он получил поддержку знаменитого генерала Брусилова, ставшего на сторону советской власти, и был зачислен в Красную Армию в 1920 г., но вскоре демобилизован по состоянию здоровья. Отец стал писателем под псевдонимом В. Ветов, жил с семьёй в Сергиевом Посаде, был в дружбе с писателем М. Пришвиным, публиковал юмористические рассказы. В 1934 г. семья была выслана в Узбекистан по вымышленному политическому предлогу.

Сын А.В. Трубецкого Михаил прислал мне цитату из записок Андрея Владимировича Трубецкого. Привожу её: *«Весной 1934 года отец и Варя — наша старшая сестра — получили по приговору (уж не знаю кого) вольное поселение. Отец на 5 лет. Варя на 3 года в Среднюю Азию, в город Андижан. Отца арестовывали, уж который раз, но держали не подолгу и выпускали; тогда были еще такие либеральные времена. На этот раз арест завершился ссылкой»*. Семья поехала вслед за Владимиром Сергеевичем в Андижан.

В злосчастном 1937 г. Владимир Сергеевич был всё же арестован «окончательно» вместе со старшим сыном и двумя дочерьми. Он и

³ К.Г. Паустовский. Первый рассказ. Золотая роза. М. Издат. Дом Мецгерякова 2008. С. 54

дочь Варвара были осуждены на 10 лет «без права переписки». А сын Григорий и дочь Александра осуждены «только» на 10 лет. Ни Трубецкие, ни большинство граждан нашей страны не знали тогда, что «без права переписки» означало расстрел. Формула применялась для маскировки истинного приговора, власти боялись делать приговоры открытыми. Отец и сестра были расстреляны в 1937 г., Александра погибла в лагере в 1943 г. Григорий выжил и дожил до 1975 г.

После ареста отца Андрей с матерью, тремя братьями и сестрой вернулся из Средней Азии в Московскую область. Им удалось поселиться в г. Талдоме. Мать зарабатывала на хлеб, печатая на пишущей машинке. Андрей закончил среднюю школу в Москве и в 1938 г. поступил на Физфак МГУ, но в 1939 г. был призван в Красную Армию. Он прошёл курсы и получил звание сержанта. В Финской войне 1939/40 гг. их часть не участвовала, но Германия напала на СССР в 1941 г., и в июле этого ужасного года воинская часть, где служил Андрей, была переброшена под Псков. Воинская часть была на голову разбита в первом же бою. Андрей был ранен в спину «по касательной» осколком мины. Скоро рана дала себя знать. Температура тела поднялась до предельно выносимой. Только после войны, на медкомиссии при новом поступлении в университет, когда его отправили на рентген, Андрей узнал, что тот осколок сломал ему два ребра около позвоночника, и поэтому у него в июле 1941 г. и позже был гнойный плеврит. Он лежал в бреду в придорожном сарае, был подобран немцами и сдан в госпиталь на территории Литвы в городе Вильнюс (ныне — Вильнюс).

Плен, госпиталь и освобождение из плена

Ему повезло: госпиталь был укомплектован литовскими врачами и среди них был один русский врач. Фамилия Трубецкой привлекла внимание врачей. Князя Трубецкие были Гедиминовичами — аристократией Литовского княжества до включения его в состав Российской империи и князьями в царской России. Неподалеку от городка Новогрудок около села Щорсы, в дореволюционной, а потом в независимой от СССР Литве (до присоединения Литвы к СССР в 1940 г.) располагалось имение Щорсы, принадлежавшее родной тётки Андрея, урожденной Трубецкой. В 1941 г. её уже не было в живых, но в имении жил её вдовый муж. Литовцы всё это выяснили и когда (с большим трудом) Андрея вылечили от гнойного плеврита (кроме хлористого кальция подходящих лекарств в госпитале не было, а питание было на грани выживания), его отпустили из плена на поруки к мужу тётки. Для проверки родства вызвали из оккупированного нем-

цами Парижа его двоюродного дядю Михаила Григорьевича Трубецкого.

Именье Щорсы было конфисковано немцами и превращено в государственное хозяйство. Андрей работал в нём кладовщиком. В Новогрудке Андрей убедился в бесчеловечности оккупантов. Он видел, как они методично выискивали и партиями расстреливали евреев прямо у шоссе, и закапывали тут же в придорожных рвах. Многие литовцы, как могли, дистанцировались от немцев. В 1943 г. доброжелательные литовцы сообщили, что немцы скоро начнут возвращать всех временно освобождённых военнопленных обратно в лагеря для каторжных работ. Было решено, что Андрею надо на время скрыться. Таким людям, как Андрей, жившим под надзором, разрешался выезд с места жительства на срок до двух недель с указанием в документе, куда он едет и когда должен вернуться. Местные литовские власти выдали А. Трубецкому пропуск на выезд в Кёнигсберг, но без указания срока возвращения.

Он уехал в Кёнигсберг вместе с парижским дядей. Тот познакомил его с профессором славянской культуры Кёнигсбергского университета Н.С. Арсеньевым. Среди домочадцев Арсеньевых нашлись люди, жившие до революции 1917 г. в Москве недалеко от Трубецких, и у Андрея сложился контакт с ними. Профессор Арсеньев побеседовал с выпускником советской школы, убедился в его хорошем образовании и предложил ему поступить на учёбу в Кёнигсбергский университет. «А что я скажу после войны на родине? Где я был во время войны — учился в немецком университете?», — примерно таким был ответ Андрея. Он — потомок русских князей, не представлял себя вне Родины.

Используя связи дяди, Андрей с двоюродным братом вдвоём сумели поехать по Германии и Австрии, посетили в Вене родного дядю Андрея Николая Сергеевича Трубецкого, известного филолога, и были на свадьбе его дочери. Книга «Пути неисповедимы» полна подробностей об обстановке в военной Германии, в оккупированной Австрии, о формальностях и порядках в воюющей стране, о русских эмигрантах, которых в Германии и оккупированной немцами Европе было множество. Общение с родственниками, с молодёжью, детьми эмигрантов, убедило Андрея, что жизнь в эмиграции — не для него, надо искать пути для возвращения на родину, туда, где осталась его много-страдальная семья.

Что такое патриотизм, от чего зависит любовь к родине, родной земле, к людям этой земли, к её истории? Мне кажется, все эти понятия и чувства складываются в детстве, когда человеческая душа особо впечатлительна и когда ребёнок слушает рассказы взрослых, начинает понимать мир и привыкать к нему. Ощущаемый и одновременно

воображаемый мир, в котором формируется детское сознание, становится родиной взрослеющего человека. Андрей Трубецкой был воспитан в семье русского дворянина с богатой родословной и богатой семейной историей, в семье образованного офицера русской армии. Советский быт, голод, арест половины семьи не смогли стереть из сознания то, что, по-видимому, очень хорошо заложили в него родители: он русский человек, сын тех, кто всегда служил своей родине.

Андрей решил, что надо подбирать единомышленников и уходить к партизанам, чтобы через них вернуться в Красную Армию. Он вернулся из Вены в Кёнигсберг и согласился работать в библиотеке университета. Сначала надо было зарабатывать на жизнь. Удалось снять комнату. В Кёнигсберге (как и в остальных германских городах в военные годы) работала барахолка — место общения разношёрстного гражданского населения Германского Рейха. В городе было довольно много расконвоированных военнопленных. Андрей завязывал с ними связи, присматривался. Двое из них не скрывали, что были завербованы в немецкую разведшколу, но потом исключены оттуда и работали на немецких ремонтных заводах военной техники.

В партизанском отряде и после него

Сначала, через рекомендованного польского помещика, жившего около границы с Восточной Пруссией, удалось найти ниточку связи и путь к партизанам польской Армии Крайовой (подпольной армии под контролем Польского правительства в изгнании, в Лондоне). Весной 1944 г. Андрей Трубецкой вместе с четырьмя бывшими военнопленными (два из них — бывшие курсанты немецкой разведшколы) ушёл в польско-белорусские Августовские леса и вступил в польский партизанский отряд. Отряд был не слишком активным. Через некоторое время удалось найти секретный путь в советский партизанский отряд. Во главе этого отряда стояли кадровые офицеры Красной Армии. Позднее Андрей узнал, что это был специальный разведовательно-диверсионный отряд ГРУ (Главного разведуправления) Красной Армии.

Андрея с товарищами посылали на настоящие боевые задания, на диверсии на железной дороге, в частности. Он прекрасно зарекомендовал себя в бою с охраной поездов и преследователями партизан после удачных диверсий. Отряд действовал в лесах на границе Литвы, Польши и Восточной Пруссии.

Два бывших курсанта немецкой разведшколы не спешили рассказывать командованию партизанского отряда о том, что побывали в немецкой разведшколе. Они говорили Андрею, что сначала хо-

тят завоевать репутацию. Они взяли слово с Андрея и двух других товарищей, и те дали им слово молчать и предоставить сделать признание самим. Но однажды один из «разведшкольцев», как бы случайно, едва не убил Андрея. А потом командир отряда получил сигнал из Москвы, что в его отряд проникли эти два человека. Сообщил о них ещё один военнопленный, который собирался уйти из Кёнигсберга вместе с Андреем, но потом отказался и перешёл линию фронта самостоятельно. Не сознавшихся курсантов немецкой школы расстреляли тут же. Угроза нависла и над Андреем и его двумя товарищами. Но командир отряда оказался умным человеком.

Летом 1944 г., партизанский отряд пересёк линию фронта и соединился с наступавшими советскими войсками. Партизаны даже сумели по лесам перегнать к нашим войскам стадо коров! Как только перешли линию фронта, командир отряда (майор Орлов) немедленно послал Андрея Трубецкого с группой назад за линию фронта, в брошенные землянки отряда принести оттуда спрятанное имущество, в том числе пишущую машинку «Ундервуд». Сразу после ухода Андрея на это задание СМЕРШ начал «филтрацию» партизан. Бывших военнопленных арестовали и послали в штрафные роты. Когда Андрей вернулся, кампания «филтрации» уже была закончена, «смершевы» удалились, и бывший командир включил А.В. Трубецкого в список тех, кто направлялся для подготовки в советскую школу разведчиков-диверсантов. Там бывшие партизаны были одеты в новую военную форму, откормились, отдохнули и даже покатались с девочками на лодках. «Школа» располагалась в Тракайском замке посреди озера Тракай. Андрей натёр руку веслом, водяная мозоль лопнула, а тут подошла его очередь «в наряд» мыть нужник. На натёртой кисти образовался нарыв. Пришлось идти в медсанбат, там разрезали нарыв, удалили гной, наложили шов.

На следующий день было построение отряда выпускников разведшколы. Им объявили перед строем, что Родина посылает их в тыл врага в западную Польшу, с парашютами на самолёте. Новый командир обошёл строй, увидел забинтованную кисть сержанта Трубецкого, приказал разбинтовать, увидел рану и скомандовал — снова в медсанбат! Диверсанты улетели на задание, а Андрей Трубецкой лечил кисть руки. Из почти 80 человек, выброшенных на парашютах на территории оккупированной Польши, в живых осталось меньше 10. Судьба берегла Андрея Трубецкого! Я насчитал, что это был уже пятый или шестой случай: не погиб после ранения в 1941 году и в не имевшем нужных лекарств Литовском госпитале, был взят на поруки из плена и попал к родственникам, не был расстрелян вместе с несознавшим-

ся немецкими разведчиками, избежал «филтрации» после перехода линии фронта.

Бывший командир партизан (а он оставался в Тракае) посоветовал Андрею подать рапорт о зачислении в стрелковую часть, причём лучше — в разведку. Разведчики — находятся подальше от командиров, живут своим умом, рискуют так, как могут, а погибнуть можно и вдали от линии окопов, и в окопе, и в разведке: это «дело» судьбы!

Снова на фронте

Сержант А.Трубецкой воевал в Восточной Пруссии, был легко ранен в плечо осколком немецкого снаряда, когда копал окоп. Снова попал в госпиталь; из руки удалили осколок снаряда, и через месяц А.Трубецкой опять был на передовой к востоку от Берлина. Его воинская часть стала гвардейской, и сержант А.В. Трубецкой с гордостью прикрепил к гимнастёрке значок «Гвардия». Все предки-Трубецкие служили в гвардии!

Шёл 1945 г., и Андрей Трубецкой вновь чудесно уцелел во встречном бою с вырывавшимся из окружения немецким подразделением. Андрей Владимирович очень впечатляюще описал в упомянутой книге этот бой, чувства и действия бойца, лежащего под градом пуль на голом месте и ищущего пути к спасению. После одного из боёв он был награжден солдатским орденом Славы 3-й степени. Их часть перебросили к югу от Берлина бороться с прорывавшимися на запад остатками разбитых немецких частей, а потом, уже в мае 1945 г., с той же целью — в Чехию.

Великая Отечественная война закончилась! Это было великим праздником, особенно для солдат-фронтовиков, оставшихся в живых. Но годы войны не засчитывались в срок «срочной» службы в Красной Армии — Советской армии. В то время полагалось отслужить в армии 3 года. Вот и зачли сержанту годы «срочной» службы: 1939/40, 1940/41 и 1945/46. Летом 1946 г. демобилизовали и слава Богу, что летом! Андрей решил поступать в Московский университет, и можно было успеть поступить в августе и начать учёбу с 1 сентября. На фронте и в госпиталях Андрей решил стать исследователем человеческого сердца. Сначала он думал о медицинском образовании, но потом решил в пользу физиологического образования на Биологическом факультете Московского университета. Он снова поступил в МГУ как демобилизованный фронтовик с первого «захода». Ещё в 1944 г. в армии Андрей написал письма дальним родственникам, разведывая, как там дома? Он узнал, что его маму, Елизавету Владимировну, арестовали 2 января 1943 года (позднее узнал, что по доносу не любив-

шей её соседки), и через месяц она скончалась в Бутырской тюрьме. Младшие братья были в армии. Ни дома, ни семьи не осталось! Андрей поселился в доме у дальнего родственника, профессора зоологии МГУ Н.А. Бобринского.

Студенческая скамья

Нужно было устраивать свою жизнь. Для начала студенту надо было прописаться в Москве. Начальник районного отделения милиции категорически отказался прописывать его, ибо до войны Андрей, якобы, не был прописан в Москве. Но в действительности он в 1939 г. уже был прописан у Бобринских, когда в первый раз поступил в университет. В поисках выхода из положения Андрей обратился в центральный паспортный стол Москвы. Там он заполнил документы для картотеки, а потом имел дело с капитаном госбезопасности, который его расспросил, посмотрел документы, сходил куда-то и сказал, что его пропишут. При этом капитан сказал, что Андрею ещё придется побывать у них. Ему выдали паспорт с московской пропиской на один год. А через некоторое время Андрея вызвали в военкомат, а оттуда с сопровождающим отправили в район Малой Грузинской улицы в какое-то старое здание, где он предстал перед майором МГБ. Это было в 1947 г. Майор долго расспрашивал Андрея, записывал, потом дал подписать «показания». Затем предложил сесть и написать свою биографию в двух экземплярах. Отпустил его только около полуночи. Вызовы к этому майору стали повторяться. Майор предложил Андрею стать секретным сотрудником МГБ и гарантировал при этом, что после окончания МГУ его распределят на работу в любое научное учреждение, куда он захочет; Андрей отказался.

Летом 1947 г. Андрей Трубецкой побывал в очень интересной экспедиции на Дальнем Востоке, на Сахалине и островах, организованной Зоологическим институтом АН СССР из Ленинграда, а организатором группы участников экспедиции от МГУ был герой моего предыдущего очерка — Кирилл Александрович Воскресенский.

После экспедиции Андрей Трубецкой был снова вызван к майору. Тот повторил предложение, сказал, что в дальневосточную экспедицию, в погранзону СССР, Андрея выпустили по специальному разрешению МГБ, а когда Андрей вновь отказался от сотрудничества, то майор сообщил ему, что в новую экспедицию в погранзону Чёрного моря его уже не выпустят и стал ему «мягко» угрожать.

А.В. Трубецкому выдали паспорт на 5 лет с пропиской, но в 1949 году он был вызван снова к тому же майору и давление продолжалось. Майор сказал, что Андрей понравился ему лично как человек. Навер-

но это было правдой. Сержант Андрей Трубецкой пользовался симпатией и уважением везде, где он служил и воевал. Но Андрей отказался от сотрудничества категорически, и майор, отпуская его, предупредил, что он, А.В. Трубецкой, пожалеет о своём отказе.

Арест, тюрьма, лагерь

Летом 1948 года Андрей Трубецкой расписался в ЗАГСе и венчался в церкви Ильи Пророка в Обыденном переулке с Еленой Голицыной (рождённой в семье бывших князей Голицыных), студенткой архитектурного института. Перед этим они обсудили ситуацию с угрозой, нависшей над Андреем. Они заметили уличную слежку за ними обоими, но решили тем более ускорить свои личные дела и обвенчаться. Летом 1949 г. Елена поехала на преддипломную практику в район г. Рыбинска и гидроэлектростанции на Волге, и Андрей приехал к ней. Это были счастливые дни для них обоих. Но в один из августовских дней приехала чёрная «эмка» (были такие советские легкие автомобили, М1). Андрея усадили между двумя офицерами МГБ и увезли, а потом на поезде привезли в печально знаменитый дом этого ведомства на площади Дзержинского в Москве (на Лубянку). Следствие длилось до начала 1950 г. Сначала были издевательские допросы, попытки обвинить в предательстве, угрозы, но Андрей держался твердо и стойко. Потом следователей заменили, и Трубецкой предстал перед Особым совещанием. Обвинение, предъявленное А.В. Трубецкому, было таким: он, военнопленный, пришёл в партизанский отряд не сразу после госпиталя в 1942 г., а в 1944, значит, уклонялся от присяги и виновен в этом. Приговор — 10 лет в лагерях строгого содержания.

А.В. Трубецкой попал в Джезказганский лагерь МВД (второе название — Степлаг), в один из самых тяжёлых лагерных пунктов в полустепи-полупустыне. Летом там — жара, зимой — мороз и ветры. Работа — на руднике. Однажды (или дважды) ему удалось получить назначение работать какое-то время в лагерном лазарете, где врачом был генетик, доктор наук Владимир Павлович Эфроимсон, тоже участник войны. Они познакомились ещё в эшелоне, когда их везли из Москвы. Но гораздо больше времени Андрей Трубецкой проводил в штрафном бараке, за слишком независимое поведение, за нежелание холуйствовать. В штрафном бараке не надо было выходить на изнурительную физическую работу, но условия жизни были гораздо хуже. На фронте было тяжело и опасно, но там была особая свобода: свобода владения собой, свобода риска, разнообразие обстановки, были перерывы в боевых действиях, дни в тыловых частях, в госпиталях, и была цель — увидеть конец войны! А в лагере был голод, гнёт